

Лиз Тренау

Шелковые Узы

*Посвящается моим двум чудесным дочерям,
Бекки и Полли*

Пролог

Анна кладет голову на подушку и проводит пальцем по вышитым на ней стебелькам маргариток и склонившимся маленьким бутонам колокольчиков. Шелковые нити, уже потертые и порванные в некоторых местах, все так же ярко блестят на солнце.

— Маргаритки и колокольчики, — напевает она знакомую детскую песенку. — Маргаритки и колокольчики. Все растут здесь, все растут здесь.

Они сидят на старой кушетке возле окна в гостиной дома приходского священника. Здесь ее мать любит заниматься вышивкой, хотя вынуждена держать рамку подальше от себя из-за живота, который стал уже таким большим. Она говорит, он так вырос, потому что в нем живет новый брат или сестра, но Анна не верит, что в теле ее матери может быть ребенок.

Ей скучно. У матери вырос живот, из-за которого болит спина, поэтому они не могут, как обычно, гулять по вересковой пустоши или, спустившись к заболоченным лугам, собирать гербарий. Работать в саду они тоже не могут. А ведь Анне так нравится сад. Она обожает рыть грядки в черной земле, вымазывая руки грязью и бросая в почву крохотные зернышки. Ей не верится, что эти маленькие крупинки в следующем году превратятся в красивые цветы, но мать обещает — так и будет. Так же, как и с ребенком.

— Подожди и увидишь, малышка, — говорит она. — Наберись терпения, и ты поймешь, что я права.

Хотя Анне всего пять лет, она уже выучила названия многих диких цветов и садовых растений. Проще всего девочка запоминает названия тех, которые прекрасно описывают сам цветок: незабудка, анютины глазки, одуванчик, львиный зев, наперстянка. Другие названия Анна произносит с трудом. Она вынуждена повторять их по нескольку раз, прежде чем удастся произнести правильно: дельфиниум, асфodelь, чемерица.

Анна снова смотрит на подушку. Какие же разные эти два цветка: веселая маленькая маргаритка с крошечными белыми лепестками, обрамляющими желтую серединку, и закрытые бутоны колокольчиков, скорее фиолетового, чем

синего цвета, согнувшие стебли, которые, кажется, с большим трудом выдерживают их вес.

— Каким цветком ты бы хотела быть? — спрашивает она у матери. — Маргариткой или колокольчиком?

— Колокольчиком, потому что он очень вкусно пахнет.

— А я лучше буду веселой маргариткой, а не грустным колокольчиком, — отвечает Анна. — Кроме того, маргаритки цветут все лето, а колокольчики распускаются всего на несколько недель.

Девочка начинает напевать под нос детскую песенку и махать ногами.

— Когда ты научишь меня вышивать цветы, как ты умеешь?

— Садись, сейчас покажу, — отвечает мать.

Женщина зажимает иголку между указательным и большим пальцами правой руки девочки, направляя ее в нужном направлении. Потом помогает Анне зажать другой рукой рамку.

— Для стебля мы выполняем простой цепной стежок, — говорит мать, помогая Анне проткнуть материю в нужном месте.

Иголка исчезает, протягивая за собой шелковую зеленую нить, и, словно по волшебству, возникает опять рядом с предыдущим узелком. Они

повторяют это вновь и вновь. Анна видит, как стебелек вырастает прямо у нее на глазах.

Но когда она пытается повторить это без помощи матери, все идет наперекосяк. Узелки ложатся криво, иголка втыкается не туда. Девочка недовольно отшвыривает ее.

— Ненавижу шить, — ворчит она. — Может, лучше порисуем?

В этот момент тело ее матери замирает, и она делает резкий выдох.

— Беги к церкви и приведи отца, — шепчет мать сквозь сжатые зубы. — Как можно быстрее. Думаю, что скоро появится на свет малыш.

Спустя много лет Анна продолжает с теплотой вспоминать тот день и их несущественный разговор. Возможно, причина в том, что с тех пор ей пришлось делить мать с Джейн. Однако Анна четко помнит, словно это было вчера, подушку с вышитыми на ней цветами, блестящими на солнце.

Лондон, 1760 год

Настоящий джентльмен может предложить путешествующей леди свою посильную помощь множеством способов. Леди, не роняя собственного достоинства, может принять его помощь и вежливо поблагодарить, однако должна препятствовать любым дальнейшим попыткам джентльмена развить их знакомство.

Книга хороших манер для леди, 1760 год

Экипаж внезапно остановился. На какое-то мгновение Анне показалось, что они уже приехали.

Но что-то было не так. Вдалеке слышались какие-то крики, визг женщин. Из окошек ничего не было видно, и никто не подошел открыть дверцу. Четверо пассажиров молча сидели в карете, стараясь не встречаться взглядом и не выражать громко возмущение. Кто-то барабанил пальцами по подлокотнику, кто-то нетерпеливо поправлял одежду. Скорее всего, подобная задержка стала для них неприятным сюрпризом.

Спустя несколько минут один из пассажиров, джентльмен средних лет и достатка, нетерпеливо прочистил горло, поднял трость и постучал по

стенке экипажа. Ответа не последовало. Он наклонился и выкрикнул:

— Кучер, почему стоим?

— Скоро поедем, сэръ, — неуверенным голосом ответил возница.

Они подождали еще несколько секунд. Джентльмен вздохнул, встал и вышел из кареты, велел сыну остаться с дамами. Когда он вернулся, у него были такие красные щеки, словно его вот-вот хватит удар.

— Дамы, беспокоиться не о чем, — пытаюсь не выдать волнения, заверил он женщин. — Однако предлагаю зашторить окна.

Карету начало трясти с такой силой, что пассажиров швырнуло сначала в одну, а потом в другую сторону. Казалось, кучер пытается развернуть упряжку вместе с экипажем.

Крики снаружи усилились. Слов было не разобрать, иногда они напоминали песню, сердитую и угрожающую. В сторону кареты полетели камни. С глухим стуком они падали на дорогу и сотрясаемый экипаж. Одна из лошадей тихо заржала, словно от боли. Крики приближались. Анна разобрала слово, которое повторяли вновь и вновь. Она удивилась тому, что столь обычное слово может звучать так грозно в устах разъяренной толпы.

Кучер тоже кричал, понукая лошадей, чтобы они быстрее разворачивали карету. В экипаже царило напряженное молчание. Пассажиры вцепились в подлокотники, стараясь не упасть. Оба джентльмена смотрели прямо перед собой, леди склонила голову, словно в молитве.

Несмотря на то что Анна тоже пыталась сохранять хотя бы видимость спокойствия, девушка чувствовала, как гулко стучит сердце в груди. Она так крепко схватилась рукой за ремень над окном, что костяшки пальцев побелели. Анна гадала, часто ли подобное происходит в этом городе. Она слышала про народные волнения и знала, что толпа может вести себя агрессивно, но никогда не предполагала, будто в один прекрасный день увидит это воочию.

Наконец экипаж опять двинулся в путь на большой скорости. Между тем с зашторенными окнами было непонятно, в какую сторону они теперь едут.

— Дорогой сэръ, скажите, пожалуйста, что происходит? — спросила леди, подняв голову и тяжело дыша. — Я правильно понимаю — наша карета стала причиной этой суматохи?

— Не бойтесь, леди, — мягко ответил джентльмен. — Нам опасность не грозила. На пути было какое-то препятствие. Кучер решил въехать в город другой дорогой.

Лицо мужчины приобрело нормальный оттенок, однако Анна не поверила ни единому его слову.

— Тогда чего они кричат о хлебе? — осмелилась спросить она. — И почему выбрали незнакомцев в качестве цели своей атаки?

— Нам сложно судить об этом.

Джентльмен насутился и замолчал. В карете снова воцарилось напряженное молчание.

Анна начала беспокоиться, что они опоздают. Кузен Уильям должен был встретить ее у паба «Красный лев», но как она передаст ему, что они опаздывают на целый час? За весь день она съела кусочек хлеба с сыром, и у нее уже начало урчать в животе. Девушка испугалась, как бы другие пассажиры не услышали эти звуки, несмотря на топот копыт.

Наконец карета остановилась, и Анна услышала выкрик кучера:

— Спиталфилдс, «Красный лев», мисс Баттерфилд.

С трудом выбравшись из кареты, Анна остановилась, ожидая, пока выгрузят ее багаж. Спустя несколько секунд кучер весело попрощался с ней, и карета уехала прочь. Экипаж и его пассажиры были островком безопасности, поэтому, когда он, завернув за угол, скрылся из виду, Анна

почувствовала себя брошенной. Ей стало немного страшно. Теперь она одна в этом большом городе.

* * *

Мимо Анны и ее багажа постоянно проходили горожане. Одни шли группками по два-три человека, неспешно общаясь между собой, другие, явно выполняя какие-то поручения, спешили вперед, лавируя между прохожими.

Внимание Анны привлекли возгласы уличных торговцев. Женщина размахивала пучком сладко пахнущих трав и кричала:

— Купите мой розмарин! Купите мой шиповник! Всего фартинг, и ваш дом будет хорошо пахнуть.

Некоторые выкрики напоминали стихи:

— Послушай! Купи эти сладкие груши!

В ее деревне люди обычно останавливались и общались с такими торговцами. Именно так можно было проще всего узнать о том, что произошло в окрестных деревнях, кто умер, кто женился, кто стал матерью, у кого как уродили пшеница и фрукты. Но здесь, в городе, казалось, все слишком заняты, чтобы общаться.

На улице продавали много разных вещей: ящики и корзины, щетки и метлы, марокканские тапочки, спички, блюдца, деревянные ложки и

терки для мускатного ореха, коврики, разные травы, устриц, селедку, пучки лука, клубнику, ревень и другие фрукты и овощи, а также чудно пахнущие буханки хлеба, печеный картофель и мясные пироги, которые заставили Анну еще сильнее страдать от голода.

Не считая торговцев и нескольких попрошаек, никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Одинокой женщине, стоящей на обочине сельской дороги, уже давно бы предложили помощь. Здесь же, казалось, она либо невидима, либо все вокруг считают ее какой-то бездушной статуей, которую приходится обходить. Ее присутствие среди всех этих людей не имело ни малейшего значения.

«Если бы я вдруг исчезла, — подумала Анна, — никто бы и не заметил».

Эта мысль одновременно пугала и привлекала ее.

А шум! Грохот подвод и карет на мостовой, крики лотошников и женщин, орущих на детей. В такой суете Анне понадобилось какое-то время, чтобы понять эту речь. Оказалось, многие прохожие говорили не по-английски.

Она огляделась. Через дорогу, у входа в таверну «Красный лев», собралась внушительная толпа пьяниц. Они держали в руках кружки и оживленно обсуждали что-то, громко смеясь.

У нее за спиной высился внушительный арочный забор из кирпича, за которым были расставлены многочисленные столы и прочие деревянные конструкции. Это место напоминало рынок, но Анна никогда не видела такого количества прилавков. В Халесворте и даже в Майклмасе обычно ставили не более двух десятков прилавков, здесь же их было более сотни. Хотя на сегодня торговля уже закончилась и прилавки опустели, в воздухе до сих пор витали резкие запахи трав и овощей, несвежей рыбы и гниющего мяса.

На часах с треснувшим циферблатом, висевших на крыше здания над рынком, медленно двигалась минутная стрелка. Тело Анны сильно сжимал корсет, ей хотелось есть и пить, поэтому она начала ощущать легкое головокружение. Девушка стояла возле своих вещей, переминаясь с ноги на ногу, как привыкла делать в церкви во время продолжительных богослужений, и молилась, чтобы Уильям побыстрее забрал ее отсюда.

Время шло, Анна погрузилась в задумчивость. И вдруг в следующее мгновение она поняла, что лежит на земле, а ее голову держит на коленях незнакомый человек. Рядом стоял еще какой-то мужчина, который резво обмахивал ее своей

шляпой. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где она находится.

— О боже, простите за беспокойство, — пробормотала она, пытаясь сесть.

— Не волнуйтесь, — ответил молодой человек. — Вы в безопасности.

Он сказал что-то спутнику, второй юноша тут же ушел и вернулся с кружкой, наполненной водой, которую Анна с благодарностью выпила.

— У вас есть дом? — спросил молодой человек. — Семья? Или, может быть, друг?

— Я приехала к дяде, Джозефу Сэдлеру со Спитал-Сквер, — ответила она, понемногу приходя в себя, — а мой кузен Уильям должен был меня встретить.

Юноша опять неразборчиво что-то сказал спутнику, который снова удалился.

Ей пришла в голову неожиданная мысль, что они разговаривают друг с другом аллегорическим языком, словно апостолы из Библии. Она всегда считала это невозможным, но сейчас с ней происходило нечто подобное. Девушка улыбнулась.

«Пути Господни неисповедимы».

Вокруг них собралась толпа, однако рядом с этим молодым человеком Анна почему-то не чувствовала страха. Она увидела, что он чисто выбрит и ведет себя с ней очень деликатно. У него были карие глаза такого насыщенного цвета, какой

имеют каштаны, только что вынутые из кожуры. Хотя он не носил парика и, насколько она могла судить, не был одет как джентльмен, его волосы были собраны в аккуратный хвост, и с ней он разговаривал нежно, улыбаясь и пытаясь ее успокоить. От него исходил какой-то сладковатый, немного затхлый, но тем не менее приятный аромат, который она никак не могла распознать.

Тяжело дыша, прибежал другой юноша.

— Он идет.

Не желая, чтобы кузен видел, как она лежит на земле, и чувствуя себя уже намного лучше, Анна попыталась встать. Юноши осторожно помогли ей подняться.

В этот момент откуда-то из-за толпы послышался громкий крик:

— Дайте дорогу, дайте дорогу! Дайте пройти!

Перед ними возник Уильям. Это был высокий молодой человек с узким лицом и напудренным париком. Он помрачнел.

— Да как ты смеешь? А ну, быстро уברי руки от юной леди! — проревел он, ударив одного из молодых людей по лицу.

Юноша захрипел и рухнул на землю, чуть не потянув за собой Анну, однако Уильям вовремя успел перехватить ее. Повернувшись, кузен ударил другого юношу, который тоже повалился на землю. Толпа выдохнула и расступилась.

— А теперь проваливайте с глаз моих, капустные головы! — прорычал Уильям, пиная их ногами, пока толпа пыталась оттащить молодых людей от него. — И если я еще раз увижу, что вы прикасаетесь к английской леди, то подвешу вас за ноги.

— Не надо быть таким грубым, кузен, — прошептала Анна, пораженная его жестоким поведением. — Они мне помогали. Я потеряла сознание от жары.

— Грязные собаки, — проворчал он, громко отдавая приказы насчет багажа Анны человеку с тачкой. — Тебе не следовало допускать этого. Тебе еще надлежит многому научиться из того, как вести себя в городе.

— Да, я очень на это надеюсь, — согласилась Анна, как ей казалось, примирительным тоном.

Он схватил ее за руку и потащил за собой по улице настолько быстро, что она едва поспевала за ним.

— Поторопись, Анна Баттерфилд. Мы ждали тебя много часов. Я не понимаю, почему ты не сообщила о своем приезде заранее. Этого инцидента не случилось бы, если бы ты оповестила меня раньше. Ты так сильно опоздала, что ужин уже остыл.

К счастью, от «Красного льва» до Спитал-Сквер было всего несколько минут быстрой ходьбы. Они остановились перед домом с красивым фасадом. В нише между двумя эркерами находилась шикарная дверь, выложенная бутылочным стеклом. Две колонны поддерживали крыльцо, где посетители могли укрыться от дождя. На вывеске, висевшей над порогом, было выведено красивыми золотыми буквами: *Джозеф Сэдлер и сын, торговцы шелком для знати*. Наконец они прибыли на место.

Анна повернула, чтобы подняться по ступенькам к входу, но Уильям снова схватил ее за руку и потащил дальше, распахнув небольшую боковую дверцу, ведущую в темный коридор. Они проследовали мимо двух дверей на первом этаже, через которые, вероятно, можно было пройти в зал магазина, потом поднялись по лестнице на широкую площадку и, миновав еще одну дверь, вошли в столовую.

Дядя Джозеф приблизился к ней, поприветствовав формальным рукопожатием и улыбкой, тут же исчезнувшей, словно она была редким и нежеланным гостем на его лице. Дядя Джозеф выглядел очень солидно. Рослый полный джентльмен с бакенбардами и париком — он носил

его даже дома — и во фраке с высоким воротником. Вышитый шелковый жилет плотно облегал круглый живот. Когда-то дядя, должно быть, был симпатичным мужчиной, но жизнь в достатке взяла свое. Щеки его обвисли и тряслись, словно бородака индейки.

— Добро пожаловать, дорогая племянница, — сказал он. — Мы надеемся, здесь ты будешь счастлива.

Он махнул рукой в сторону роскошно обставленной комнаты, в центре которой стоял полированный дубовый стол, а на нем блестела серебряная посуда, сверкавшая при свете свечей.

Анна сделала реверанс.

— Благодарю вас, сэр, за ваше гостеприимство, — сказала она.

Тетя Сара показалась Анне добрым человеком. Она улыбалась намного чаще, чем ее муж. Тетя поцеловала Анну в обе щеки.

— Бедняжка, ты выглядишь уставшей, — заметила она, отступая на шаг, чтобы оглядеть ее с ног до головы. — И твоя одежда... — Тетя со вздохом отвела взгляд, словно не в силах смотреть на убранство племянницы, хотя это было ее лучшее платье. — Не бери в голову. Сейчас ты поужинаешь, а потом отдохнешь после долгой поездки. Завтра разберемся с твоим гардеробом.

«У нее голос, как у моего отца», — подумала Анна.

Тетя так же, как отец Анны, немного шепелявила. Этим дефектом часто страдали в их семье. Она была его младшей сестрой, но, чтобы понять, какие черты у них общие, следовало хорошенько приглядеться. Возможно, губы или брови? Но не фигура. Сара была намного ниже и полнее, в то время как ее брат был долговязым и худым. Анна унаследовала его фигуру, и она понимала, что для женщины эти физиологические особенности не являются выигрышными. Но то, что тетя Сара походила на отца, помогло девушке почувствовать себя как дома.

Кузина Элизабет присела в элегантном реверансе.

— Пожалуйста, зовите меня Лиззи, кузина Анна. Мне так не хватает старшей сестры, — сладким голосом прошепелявила она. — От брата никакого толку, — добавила девочка, бросив на него ядовитый взгляд.

Уильям хмуро посмотрел на сестру. Казалось, другого выражения его лицо не знает.

Анна прикинула, что Лиззи было на вид около четырнадцати лет. Милая юная особа с золотисто-каштановыми волосами, она имела такое же круглое лицо, как и ее мать, однако намного изящнее. Девочка была на шесть лет младше брата

и на четыре года — Анны. Сара произвела на свет несколько детей, но выжили только эти двое. Анна вспомнила, как вздыхал отец, читая письма от сестры.

«Еще одного ребенка забрал Господь. Бедная Сара. Им надо жить в другом месте, где воздух чище».

В церкви он молился за умерших детей Сары, прося Бога заботиться о них на небесах.

Анна поняла из всего этого, что больше всего в жизни нужно бояться родов. Она гадала, как их можно избежать, ведь девочка вырастает и становится женщиной, а та рано или поздно должна будет родить.

Все сели, и Джозеф наполнил бокалы темно-синим напитком.

— Кларет, — сообщил он.

Когда дядя поднял бокал и произнес тост в честь приезда «нашей дорогой кузины Анны», девушка сделала маленький глоток. Кларет оказался чуть крепче причастного вина, но намного вкуснее. Сделав еще несколько глотков, Анна почувствовала внутри приятное тепло и расслабилась.

— Вы бедняжки. Я представить не могу, через какие испытания вам пришлось пройти в последние несколько месяцев, — сказала тетя Сара, передавая племяннице тарелку с холодным мясом. — Очень

надеюсь, что в конце бедная Фанни не сильно страдала.

Приятная теплота внутри мгновенно испарилась, когда Анна вспомнила бледное лицо матери на подушке, как она сдерживала приступы кашля, тяжело дыша и не в силах говорить или есть из-за прилива крови.

Этот ужас продолжался очень долго. Мать медленно угасала. Периоды улучшения, приносившие новую надежду, сменялись резким ухудшением состояния. Все это время Анна и ее сестра Джейн ухаживали за матерью, изо всех сил стараясь помочь отцу, приходскому священнику, у которого была куча своих проблем — конфликтные прихожане, запросы епископа и необходимость справляться с вызовами, которые бросала церкви эта эпоха.

Так как Анна постоянно была занята матерью и домашним хозяйством, она почти не задумывалась о трагедии, ожидавшей их. Когда мать умерла, Джейн не вставала с постели несколько недель, постоянно плача. Ничто не могло утешить ее, кроме конфет, которые она ела днем, и объятий сестры по ночам.

Хотя их отца Теодора потрясла смерть жены, он продолжал выполнять свои обязанности. Только теперь раньше уходил спать. Несколько раз ночью Анна слышала, как он тихо и горько плачет за

стенной. Ей очень хотелось утешить его. Но она сопротивлялась своему желанию, чувствуя, что он должен сам стоически перенести эту утрату.

Анна же не опустила руки после смерти матери. Она вставала каждый день, мылась, одевалась и выполняла свои обязанности, готовила для семьи, организовала поминальный прием и пыталась улыбаться, когда люди хвалили ее за то, как она хорошо справляется. Но внутри девушка ощущала пустоту и какую-то отрешенность. Горе напоминало прогулку во сне по глубокому снегу, когда каждый шаг дается с трудом, приносит боль и окружающий пейзаж вообще не меняется. Мир вокруг стал черно-белым, цвета поблекли, звуки теперь казались приглушенными и искаженными. Анна считала, что ее жизнь тоже закончилась.

Отвлечшись от тяжелых мыслей, она повернулась к тете, ожидавшей ответа.

— Спасибо, мадам, она отошла в мир иной со спокойной душой.

Сказав это, девушка по своей старой привычке, оставшейся с детства, скрестила пальцы. Она считала, что, если совет, такой жест может спасти ее от Божьего гнева. Но подумав, решила: в ее словах есть доля правды. Перед смертью, не чувствуя больше боли, мать действительно выглядела спокойной и умиротворенной.

— А как мой дорогой брат Тео? Как он справляется с утратой?

— Полагаю, вы понимаете, что его укрепляет вера, — ответила Анна, прекрасно осознавая, что все совсем наоборот, поскольку в последние несколько месяцев его вера подверглась серьезным испытаниям.

— Господь суров, одной рукою отбирая жизнь, а другой даруя забвение, — заметил дядя.

— Каждому свое, — пробормотала Сара.

— Однако, Бог — это очень интересная мысль. — Глаза Уильяма заблестели, а губы растянулись в иронической усмешке. Он явно был готов поспорить. — Какова роль Господа, когда все уже сказано и сделано?

— Тихо, Уильям, — отозвалась Сара, посмотрев на Лиззи, а потом на сына. — Оставьте подобные разговоры для дружков из клуба.

За столом наступила тишина. Анна сделала несколько больших глотков из бокала.

— Прошу вас простить меня за опоздание. Карета задержалась из-за каких-то беспорядков, и кучеру пришлось искать другой въезд в город, — пояснила она.

Уильям быстро посмотрел на нее.

— Что за беспорядки? Где это было?

— Боюсь, я не знаю где. Это произошло, когда мы въехали в город. Мы ничего не видели из окон,

потому что нам пришлось закрыть шторы. Мы слышали крики, что-то о хлебе, как мне показалось.

— Похоже, еще один голодный бунт, — заметил Уильям. — Наверное, опять эти французские ткачи, как в прошлом месяце. Они вечно недовольны. Ты что-то слышал, папа?

Джозеф покачал головой, тщательно пережевывая приличную порцию мяса и картофеля, которую он только что отправил в рот.

— Если бы они не тратили столько средств на Женеву¹, у них нашлись бы деньги на хлеб, — пробормотал он. — И тогда эти чужаки прекратили бы волновать народ.

Уильям достал из кармана часы, быстро положил на стол нож и вилку и отодвинул стул.

— Простите, я опаздываю в клуб, — извинился он, хватая сюртук и кивая Анне. — Увидимся завтра, дорогая кузина. Между тем постарайтесь держаться подальше от капусты. От нее может случиться серьезное несварение.

---

¹ В XVIII веке Женева находилась под сильным влиянием Франции, что не нравилось гражданам Женевы. Дело дошло до того, что в 1782 году в городе вспыхнула революция, подавленная объединенными силами Франции, Берна и королевства Сардиния. В конце концов, в 1798 году Франция аннексировала Женеву. (*Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.*)

Анна сразу не сообразила, что кузен имеет в виду, но потом вспомнила, как он назвал тех юношей «капустными головами». Она не понимала его враждебного отношения к этим двум молодым людям, пришедшим ей на помощь. Впрочем, у девушки вообще было смутное представление о том, что происходит вокруг нее, поэтому голова у Анны просто шла кругом.

* * *

После обеда тетя и дядя велели своей дочери показать Анне дом, по крайней мере, верхние этажи, поскольку первый был полностью отдан под магазин дяди, а подвал, как она поняла, предназначался для слуг. Это четырехэтажное здание казалось достаточно просторным, однако для Анны, по сравнению с родным домом, в нем было тесно и одиноко. Она восхищалась шикарными шелковыми драпировками, изящной мебелью. Ей нравилось, что стены и ставни на окнах во всех комнатах облицованы окрашенной деревянной обшивкой, это затемняло их и придавало определенную строгость.

Возле столовой в передней части дома, как раз над входом в здание, находилась красивая гостиная с большим мраморным камином. Из окна девушка увидела улицу и небольшой участок с

зеленеющими на нем молодыми деревьями. Но с обеих сторон к дому примыкали другие здания, и было сложно понять, где заканчивается одно строение и начинается другое.

«Должно быть, в этом городе свободного места совсем не осталось, — подумала Анна, — если даже в таком хорошем районе дома жмутся друг к другу».

— У вас есть сад? — спросила она.

— Это просто кусок земли, поросший травой, с одним деревом, — быстро ответила Лиззи. — Я могу показать тебе завтра.

— Мне нравится делать зарисовки природы.

— Там особого вдохновения ждать не стоит, — заметила Лиззи. — Хотя я знаю место, где мы сможем увидеть кучу цветов и фруктов.

— Где это? — спросила Анна.

— На рынке. Туда много чего привозят из садов и ферм чужаков, а еще из других стран. Их там тысячи. Выглядит просто чудесно. — Вдруг Лиззи рассмеялась. — Ты же не станешь их все рисовать?

— Нет, конечно, — ответила Анна, радуясь, что после скучного обеда разговоривает об интересных вещах. — Я думаю, мне там понравится.

— Мама не позволит нам пойти на рынок, она говорит, что «он для простолюдинов, и молодым

леди там не место». — Спародировав голос матери, Лиззи нахмурилась. — Думаю, это глупо, как считаешь? Но я спрошу, можно ли нам завтра сходить в новую церковь. Тогда мы сможем пройти мимо рынка.

Анна колебалась. Она не хотела вот так сразу нарушать порядки этого дома.

— Я также могу рисовать архитектуру, но перспектива для меня всегда была проблемой, а для тебя?

Лиззи тут же помрачнела.

— Я бы рада была рисовать, однако мой учитель с презрением относится к моим потугам. Поэтому я даже не пытаюсь.

— Тогда я научу тебя, — предложила Анна.

— О да, — улыбнулась Лиззи. — Это было бы чудесно.

* * *

После того как Лиззи показала Анне дом, та захотела отдохнуть.

— Конечно, ты наверняка устала, — сказала тетя. — Но должна предупредить тебя: твоя комната находится наверху. К тому же у нее плохой декор. Нам не хватает помещений, потому что весь первый этаж отдан под магазин. Скоро мы собираемся переехать в другое место, которое

больше приличествует нашему статусу, верно, дорогой? — Сара улыбнулась мужу, никак не отреагировавшему на ее слова. — Лиззи, покажи, пожалуйста, Анне ее комнату. Багаж уже там, и я сейчас пришлю служанку с водой.

Они поднялись по узкой деревянной лестнице на последний этаж, который Лиззи называла «старым ткацким чердаком». Она сказала, что его переделали, так как ее отец перестал заниматься ткачеством и вместо этого начал продавать готовые шелка. Комната, рядом с которой жили повар и служанка Бетти, действительно оказалась маленькой и непримечательной. Комод, столик с кувшином и лоханью, стул и кровать выглядели просто, но уставшей Анне они казались пределом мечтаний.

Когда Лиззи ушла, девушка открыла ставни, глубоко вдохнула теплый ночной воздух и расслабилась. Мышцы лица болели из-за того, что целый день ей приходилось вежливо улыбаться.

* * *

Анна забралась под одеяло, но сон все не шел.

Кровать коротковата для нее, матрас сбился, и одеяло оказалось несвежим. Хотя эта постель была не так удобна, как перина в доме отца, по крайней

мере, Анна находилась в тепле и безопасности. Чего еще желать?

В жаркий июльский вечер на чердаке было тепло. Легкий ветерок залетал в окно. С улицы доносился ужасный шум — неужто люди в городе никогда не отдыхают? Казалось, он совсем не ослабел с тех пор, как она вышла из кареты: снаружи слышались взрывы хохота молодых людей, визг женщин и плач детей, завывания собак и мяуканье котов, грохот колес по мостовой. В ее деревне в такое время суток уже стояла тишина, нарушаемая лишь ритмичным шумом прибоя, если ветер дул с востока.

Это было приключением. Несмотря на то что ей не хотелось уезжать и она чувствовала боль из-за смерти матери, отчасти Анна была возбуждена.

«Жизнь многое может предложить такой одаренной девушке, как ты, — сказал ей отец в последний вечер перед отъездом. — Тебе столько всего надо увидеть и узнать, столько всего понять и оценить. Но здесь ты этого не найдешь. Ты должна отправиться в город, где сможешь преуспеть».

«Как Дик Уиттингтон², да?»

---

² Известный персонаж английских легенд. Народная сказка о нем, к XIX веку ставшая пантомимой, появилась в 1604, 1605 или 1607 году. Она повествует о бедном мальчике, который вместе со своим котом отправился из родной деревни

«Именно. — Он рассмеялся. — И, если ты станешь мэром Лондона, пригласи нас в свою шикарную резиденцию. Но помни: ты всегда можешь вернуться домой вместе со своим черным котом».

* * *

Хотя первый день пути не принес никаких неожиданностей, для Анны каждая мелочь была в новинку. Девушке велели воздержаться от разговоров с другими пассажирами, чтобы те не вздумали с ней знакомиться, но Анне так редко удавалось проводить время в компании незнакомцев, что она не могла сдержать себя и тайком изучала их, стараясь не показаться грубой.

Казалось, в тесной карете собрались люди всех возрастов. Рядом с ней на скамье сидел полный джентльмен, который внимательно изучал

в Лондон, чтобы заработать себе состояние. Есть несколько версий сказки. В одной из них он отправляется служить на корабль, уходящий в плавание за границу, и обретает богатство с помощью своего кота, искусного в ловле крыс, в другой — просто продает чудесного кота марокканскому султану, дворец которого одолели крысы, и получает за животное целое состояние. В конце он женится на дочери своего хозяина Элис Фитцуоррен и становится лорд-мэром Лондона трижды, как и было предсказано.

газету, неодобрительно хмыкая и тыкая локтем ей в бок каждый раз, когда переворачивал страницу. Через какое-то время он задремал, опасно прижавшись к ее плечу. В следующее мгновение очнулся и резко выпрямился. Однако через несколько минут все повторилось снова.

Она не видела лиц двух женщин, сидевших с другой стороны от этого джентльмена, но, судя по запаху и красному цвету их рук, поняла, что они занимаются сортировкой трески в Ярмуте. На противоположной скамье две полные домохозяйки из Банги заняли почти все сиденье и болтали без умолку до самого Ипсуича. У каждой из них на одном колене сидел маленький ребенок, а на другом — младенец.

Дети постоянно ныли, пока не уснули, пуская слюни во сне. Тогда разревелись младенцы. Их рев был особенно неприятен в таком закрытом пространстве. В перерывах между приступами плача малыши одаривали пассажиров ангельскими улыбками, поэтому им все прощалось до следующего раза. Когда подобные приступы длились слишком долго, матери прижимали младенцев к груди.

Сморщенный пожилой джентльмен втиснулся на лавку рядом с двумя леди, и, стоило ему тоже уснуть, Анна испугалась, что его так могут до

смерти задавить, и никто об этом не узнает до самого конца поездки.

Чтобы чем-то занять себя, она достала из кармана Библию, которую отец дал ей при расставании. Вера Анны испарилась во время длинных ночей, наполненных агонией матери, и так и не вернулась, однако знакомые библейские истории приносили утешение. Открыв книгу, девушка увидела надпись на обложке, оставленную рукой отца: *«Моей дорогой Анне, храни тебя Господь»*. На глаза навернулись слезы.

«Когда же я снова увижу его? — подумала она. — Как он будет дальше жить один с Джейн?»

Хотя Анне было всего пять лет в то время и она почти не видела родов, все же она понимала, что рождение сестры далось матери нелегко. Ребенок, в конце концов появившись на свет, был бледным и слабым. Несмотря на опасения, сестра выжила, медленно набрала вес и окрепла. Лишь по прошествии значительного периода времени они поняли, что сложные роды повлекли за собой серьезные последствия: правая часть тела Джейн была слаба, и девочка прихрамывала на одну ногу, с трудом волоча ее за собой. Хотя у нее был добрый нрав, она немного отставала в развитии, с трудом понимая то, что для других было элементарным, и так и не научившись читать и писать.

«Как она будет вести хозяйство без меня, бедняжка? — подумала Анна. — Поймет ли потребности отца? Не заболит ли? И сможет ли подружиться с другими деревенскими девушками теперь, после моего отъезда?»

Анна очень скучала по сестре и отцу.

* * *

Когда они наконец подъехали к таверне для путешественников, тучный джентльмен взял ее за руку, помогая выбраться из кареты.

— Позвольте помочь вам с багажом.

— Большое спасибо, — ответила она, радуясь, что хоть кто-то ее заметил. — Вот мои вещи. Наверное, саквояж и коробку для шляпы можно оставить в карете на ночь?

— Так обычно и делают, если вы предупредили кучера.

Подхватив потертый парусиновый мешок, а также свой кожаный чемодан, он пошел вместе с ней через двор к входу в таверну.

— Простите меня, мадам, — сказал джентльмен, — не хочу показаться навязчивым, но позвольте дать вам совет.

— Уважаемый господин, я приветствую любой совет, поскольку не знакома с обычаями, принятыми в дальней дороге, — ответила она.

— Тогда разрешите сказать: я советую вам попросить принести ужин в номер. В зале может быть довольно шумно, и вам, скорее всего, это не понравится.

Словно в подтверждение слов джентльмена, когда он открыл дверь, изнутри донесся громкий взрыв хохота. Анна заколебалась на пороге, но учтивый господин взял ее под руку и повел через задымленный зал мимо столов к стойке. Пытаясь перекричать шум, он позвал хмурую женщину, по всей видимости, жену трактирщика. Вскоре подошел грязный мальчик и провел их наверх. Прощаясь с джентльменом, Анна сказала:

— Вы были очень добры, сэръ.

— Спокойной вам ночи, мадам, — ответил он, склонив голову.

Этот разговор так порадовал девушку, что она даже не заметила, какой маленький и плохо обставленный номер ей достался. Постельное белье, разложенное на кровати, посерело от частых стирок. Когда ей принесли ужин, оказалось, что холодная баранина покрыта жиром, а картофель плохо очищен, однако Анна была очень голодна, поэтому быстро съела все, не обращая внимания на подобные мелочи. Оплывшая свеча, которую ей дали, мгновенно выгорела. Анну ждала долгая беспокойная ночь. Она пыталась не обращать внимания на клопов, ликующих по причине

появления свежей жертвы, и на шум, доносившийся из зала внизу.

Когда девушка наконец уснула, ей приснилось, будто она возвратилась домой, где все осталось по-старому — царит оживление и радость, в камине горит огонь, а мать жива. Анна обняла ее, почувствовав смешанный запах мыла и садовых растений, что для нее означало любовь и безопасность.

Проснувшись посреди ночи и сообразив, где находится, девушка расплакалась и уткнулась лицом в подушку, всхлипывая и вздрагивая. Как она решилась покинуть такое прекрасное место? Но вернуться туда Анна не могла, ведь там она больше никогда не ощутит материнского тепла.

* * *

Однако на следующее утро вместе с восходом солнца настроение Анны улучшилось. Она огорчилась, узнав, что вежливый джентльмен не поедет с ними дальше, но села в карету, полная оптимизма, в предвкушении по поводу того, что же ей уготовил новый день, и даже решилась улыбнуться единственной оставшейся в салоне пассажирке — красиво одетой леди. Последние сутки девушка почти ни с кем не разговаривала, поэтому была бы рада поболтать с этой молодой

дамой, но та разочаровала ее, достав очки и углубившись в чтение книги.

Анна вернулась к своим мыслям, радуясь представленной возможности увидеть воочию все то, что слышала о большом городе, познакомиться с дядей и тетей, кузеном и кузиной. Проведя столько месяцев дома, в хлопотах по уходу за матерью, она хотела расправить крылья и увидеть большой город. Именно это родственники намеревались ей предложить.

Утром карета остановилась в одной деревушке, чтобы забрать двух джентльменов, как выяснилось, отца и сына. Пока они ждали новых пассажиров, кучер предложил им полюбоваться «отличным видом на город».

Сначала Анна увидела только реку Темзу, ослепительно блестящую в лучах солнца. По небу тянулись большие тучи дыма. Приглядевшись, девушка заметила какие-то ленты, расходящиеся в разные стороны от реки. Через несколько секунд она с удивлением поняла, что это улицы со стоящими вдоль них домами, которых сотни, даже тысячи. Она представить не могла, сколько же людей живет в них. В самом центре города нигде не было видно ни единого зеленого листочка или поля.

«Как же я выживу в такой тесноте, постоянно дыша дымом?» — гадала Анна.

В ее деревне жило около трех сотен людей. С одной стороны, к поселению примыкали лес и поля, а с другой — песчаные дюны и море.

«Что я буду рисовать в этом месте, где нет ни цветов, ни деревьев, ни бабочек, ни птиц?»

* * *

Ворочаясь на кровати в своей комнате, она ощущала внутри какую-то пустоту и апатию, как будто, уехав из дому, оставила там частичку души. Анна так долго ждала этого «большого приключения», но теперь, когда она попала в Лондон, ей все казалось таким чуждым и непонятным, что захотелось вернуться в родную деревню.

2

Леди должна идти неспешно и с чувством собственного достоинства. Излишняя поспешность вредит изяществу, которое должно ее характеризовать. Ей не следует поворачивать голову и поглядывать по сторонам, особенно в городах, где эта дурная привычка лишь привлекает наглецов.

Книга хороших манер для леди

Анна проснулась рано. Сквозь окно солнце заливало светом всю комнату. Сначала девушка не поняла, где находится. А потом вспомнила. Внизу было тихо, и казалось, притих даже никогда не спящий город. Похоже, было еще слишком рано, поэтому Анна вернулась в постель, ожидая, пока ее родственники начнут просыпаться.

Она вспомнила о событиях последних нескольких дней — мрачный лик отца и слезы сестры при расставании; кричащие младенцы в карете; добрый джентльмен в Челмсфорде; страшные крики толпы и тряска в экипаже. Ей хотелось понять, почему горожане так злились из-за хлеба. Ведь все, даже самые бедные, могли себе его позволить?

А те юные французы у «Красного льва». Ее кузен повел себя с ними грубо, но с утра Анна была больше расположена к нему, чем накануне, ведь он беспокоился о ее безопасности и не желал ничего плохого.

Вспоминая последние странные события, она очень удивилась, поскольку ее совсем не смутили прикосновения незнакомца, который даже не был джентльменом. Она мысленно улыбнулась, вспоминая, как нежно этот юноша разговаривал с ней, какие у него были добрые глаза и как приятно от него пахло, словно кедровыми листьями осенью.

Должно быть, Анна задремала, потому что внезапно услышала стук служанки в дверь. Та принесла свежий кувшин с водой. Анна быстро помылась и оделась, после чего сошла вниз, застав всю семью за самым роскошным завтраком, который когда-либо видела. На столе было не менее трех сортов хлеба, масло, мед, повидло и вишневое варенье, овсянка со сладкими сливками, копченая сельдь, холодные пирожки с телятиной, жареные почки и кофе. Анна слышала, будто кофе нынче в моде, но ей он показался слишком темным и горьким. Она бы выпила чаю и съела бы хлеба с медом, но решила, что некрасиво отказываться от предложенных угощений. К концу завтрака девушка испугалась — ее корсет, уже достаточно потертый, мог совсем разойтись по швам.

Тетя Сара озвучила планы на день.

— Первым делом после завтрака мы должны заняться твоим гардеробом.

— Вы очень добры, но я не хочу, чтобы на меня тратили деньги, — быстро ответила Анна, поскольку у нее осталось немного из тех фунтов, которые отец заставил ее взять с собой. — У меня есть еще два платья, синее и коричневое, а кроме того, несколько шалей и шляпок.

— Ты теперь живешь в городе, — твердо возразила тетя Сара, — и должна одеваться соответственно. Нельзя, чтобы люди принимали

тебя за служанку, верно? Тебе следует носить лучшие шелка. Что еще может надевать племянница именитого купца? Кроме того, ты уже в том возрасте, когда нужно подумать о будущем.

Лиззи прыснула, прикрыв лицо рукой.

— И я думаю, — продолжала тетя, — не стоит объяснять, почему в этом случае внешний вид играет очень важную роль. — Сара отрезала себе еще один кусок пирога. — Сегодня утром моя портниха снимет с тебя мерку и покажет нам варианты. Потом мы спустимся в магазин и выберем лучшие шелка. Я думаю, пока пяти платьев должно хватить — два на день, два вечерних, а кроме того, платье и блузка на воскресенье. Что скажешь, муж? Конечно же, и плащ на тот случай, если вечером будет прохладно.

Джозеф что-то проворчал, не отрываясь от газеты, но Лиззи слушала очень внимательно.

— К какой портнихе ты пойдешь?

— К мисс Шарлотте, как обычно. Она моя любимая, — ответила тетя Сара.

— Мама, проследи, чтобы она подобрала правильный образ: маленький цветочный узор или, возможно, тонкие полоски. И побольше кружев, они ей пойдут.

Анна гадала, как Лиззи в столь юном возрасте освоила науку хорошего стиля в одежде.

— Не волнуйся, дорогая. Когда мы закончим, о твоей кухне заговорит весь город.

— О, я так рада! — воскликнула Лиззи. — Жаль, не я на ее месте.

Анна чувствовала скорее тревогу, чем радость. Раньше в ее жизни не было места для моды; если кто-то в деревне пытался одеваться модно, его считали выскочкой, и не в правилах Анны было выделяться подобным образом. Кроме того, влажная ветреная погода на побережье не щадила тонкую материю, а любой головной убор нужно было крепко завязывать под подбородком.

Она чувствовала себя куклой, которую обсуждали и наряжали ради забавы окружающих, и никому не было дела до ее чувств и предпочтений. Но ей следовало, хотя бы временно, смириться с этим, поскольку она физически и финансово зависела от гостеприимства дяди. Добиться послушания всегда было непросто, особенно от Анны, которая в прошлом часто попадала в беду из-за этого. Она пыталась убедить себя, что все делается в ее же интересах, а значит, ей следует прислушаться к советам родственников и научиться правильно вести себя в этом новом месте.

Хотя никто ей такого прямо не говорил, Анна знала, почему должна внимать словам тети, почему обязана выполнить свой долг. Джейн никогда не выйдет замуж, и за ней нужно будет присматривать

до конца жизни. Их отец потратил бóльшую часть сбережений, оплачивая услуги докторов, пытавшихся восстановить здоровье жены, и у него почти ничего не осталось на покрытие стоимости ренты, поэтому им пришлось покинуть дом приходского священника.

Судьба семьи зависела от того, насколько удачно Анна выйдет замуж. Девушка гадала, совпадут ли желания ее сердца с насущными потребностями семьи. Недавно она посетила свадьбу бывшей одноклассницы. Мероприятие было оплачено женихом, пожилым мужчиной из Северного Суффолка с редяющими волосами и большим животом. Девушка отважно улыбалась целый день и, казалось, была очарована мужем, но мысль о том, чтобы разделить жизнь с таким человеком, приводила Анну в дрожь.

* * *

Лиззи отправили делать уроки с учителем, Анна же пошла в комнату тети Сары, где вынуждена была раздеться до корсета, после чего каждую часть ее тела, включая обхват головы, длину и ширину стопы, измерила портниха мисс Шарлотта.

«Из меня никогда не получится светская леди, какими бы красивыми ни были новые платья», —

подумала девушка, глядя на себя в большое зеркало.

У нее были слишком длинные руки и ноги, чересчур крупные ладони и ступни, ногти загрубели от ручной работы, а глаза имели непонятный оттенок синего цвета.

«Цвѣта вечно переменчивых морей, — дразнил ее отец. — Я всегда угадываю, когда приближается шторм».

Несмотря на ежедневное использование лимонного сока, веснушки, густо покрывавшие нос и щеки Анны, никуда не делись, а светлые волосы закручивались в непослушные завитки, которые не хотели прятаться под шляпкой.

«Я действительно похожа на служанку. Или, в лучшем случае, на трудолюбивую дочь провинциального священника, кем я, собственно, и являюсь».

— Ей также понадобится два набора корсетов, как считаете? — спросила тетя Сара, хмуро поглядывая на потертый предмет туалета Анны.

Девушка не помнила, сколько времени уже пользовалась этим корсетом. Вероятно, с тех самых пор, как ее убедили, что молодой леди пристало его носить. Сначала она возражала, но в конце концов согласилась, чтобы порадовать мать, в жизни которой осталось так мало радости и было так много боли. Анне казалось, все это происходило

очень давно, хотя ей исполнилось всего восемнадцать.

Мисс Шарлотта молча продолжала делать замеры. Она была скромно одетой миниатюрной женщиной неопределенного возраста, с маленькими умными глазами. На ней не было шляпки, а черные волосы портниха собрала в аккуратный пучок, из которого выбилось несколько прядей, визуалью смягчавших ее строгое лицо. Когда Анна снова оделась, девушку пригласили сесть перед туалетным столиком, на котором мисс Шарлотта разложила цветные рисунки юбок, корсажей, платьев, пальто, шляпок, капоров и обуви самых разных стилей.

— Это последние модели для молодых леди. Вам что-то нравится, мисс Баттерфилд?

Анне все они казались одинаковыми. У корсажей, чрезмерно украшенных кружевами, была слишком толстая подкладка, юбки были столь широки и так сильно собирались вокруг талии, что Анна, скорее всего, споткнулась бы и упала, сделай в них хоть шаг. И как она будет одеваться каждый день без помощи служанки?

Шляпы были очень широки, поэтому владелице подобного головного убора следовало осторожно проходить в дверь и, конечно же, надевать его на улицу только при совершенно безветренной погоде. Предлагаемая обувь имела

очень высокие каблуки. Анна решила, что не сможет и шагу ступить, чтобы не споткнуться. Также в ней она была бы одного роста с самыми высокими мужчинами.

Мисс Шарлотта и тетя Сара обсуждали какие-то сложные вещи, вставляя в разговор словечки вроде *пелерина*, *нагрудник*, *палантин*, которые Анна никогда прежде не слышала.

«Мне нужно брать уроки моды, — подумала она, — если я хочу научиться одеваться, как современные девушки».

Возможно, мисс Шарлотта согласилась бы помочь ей в этом, она казалась Анне понимающим человеком.

После жарких споров остановились на четырех моделях. Анна, кивнув, согласилась, хотя, честно говоря, представить не могла, что сможет надеть их. Тетя Сара выразила удовлетворение.

— А теперь мы пойдем вниз, выбрать шелка, — сказала она.

* * *

Первая комната на нижнем этаже, в которую они вошли, оказалась захлавленным конторским помещением. Полки, тянувшиеся вдоль стен, были

заставлены тяжелыми гроссбухами³ в кожаных переплетах. У окна, выходявшего во внутренний дворик, стоял стол, заваленный образцами материи, книгами и бумагами. В центре комнаты было три высоких письменных стола, за которыми сидели Уильям и еще двое молодых людей, работавшие с какими-то документами. Когда в комнату вошли леди, юноши отложили перья и встали.

— Джентльмены, — сказала тетя. — Это моя племянница Анна Баттерфилд, которая теперь живет с нами. Вы уже знакомы с мисс Шарлоттой, моей портнихой.

— Па, тут мама с девочками к тебе пришли, — громко крикнул Уильям.

Спустя пару секунд из небольшого кабинета вышел Джозеф. На его лице умирала слабая улыбка.

— Добро пожаловать в самое сердце нашего предприятия, — прогудел он. — Здесь мы зарабатываем деньги, чтобы наши леди могли вести такой образ жизни, к которому привыкли, так ведь, парни? А теперь продолжайте работать, а мы пойдем посмотрим на шелка для моей симпатичной молодой племянницы.

---

³ Бухгалтерскими книгами. (Примеч. ред.)

Анна тут же почувствовала знакомый аромат. Это был сладковатый теплый ореховый запах, исходивший от того молодого человека, который помог ей накануне. Теперь она поняла, что это был запах шелка, тяжелый аромат уверенности и процветания. Но тот юноша не выглядел богачом и не был одет в шелка, насколько она помнила.

Она попыталась сосредоточиться на словах дяди.

— Здесь мы храним образцы от лучших мастеров этого района, дабы иметь возможность показать их портным, обслуживающим первых людей города. В прошлом месяце к нам поступил заказ от человека герцога Камберлендского, правда ведь, дорогая? — Он повернулся к жене. — И с каждой неделей мы слышим все больше разговоров о помолвке короля. Эта свадьба наверняка повысит спрос на наш товар.

Все в комнате было создано для того, чтобы производить впечатление. Возле широкого эркера стоял элегантный дубовый стол в окружении обтянутых дамастовой тканью стульев, явно предназначенных для спин богачей или хотя бы их агентов. В тех местах, где пол не покрывал толстый красный персидский ковер, виднелись натертые до блеска широкие дубовые половицы. На полках по всей комнате были расставлены чудесные образцы

и рулоны шелков самых разных цветов и оттенков с различными рисунками и текстурами.

— Ну, что скажешь, юная Анна? — спросил дядя. — Мы гордимся тем, что торгуем только лучшим товаром.

— Как прекрасно! — ответила она. — Но откуда берется сам шелк? Я имею в виду, до того, как из него что-то соткут.

— О, это хороший вопрос!

Он показал пальцем на большую квадратную рамку над дверью. На латунной табличке виднелась надпись: *«Жизненный цикл тутового шелкопряда»*.

В коробочке полукругом были выложены сохранившиеся экземпляры насекомого, рассортированные по этапам его развития, начиная с бабочки.

«Бабочка живет всего один день и не летает, — гласила подпись. — Во время своей короткой жизни она лишь спаривается и откладывает яйца. Из них вылупляются маленькие гусеницы, которые постоянно едят листья тутового дерева и растут в размере, прежде чем сплести себе кокон из тысяч ярдов тончайших нитей. Большая часть коконов становится шелком-сырцом». Маленький кусочек шелка-сырца, повязанный розовой ниткой, лежал в коробочке. *«Из других коконов вылупляются бабочки, чтобы начать новый цикл».*

Анна с любопытством прочитала о том, откуда берется шелк.

— Как интересно! — заметила она. — А где живут эти бабочки и гусеницы?

Дядя Джозеф весело расхохотался.

— Дорогая Анна, тебе многому следует научиться. Слышишь, жена, — он повернулся к тете Саре, — наша племянница считает, что у нас в саду живут шелкопряды!

На самом деле, Анна имела в виду другое, и это было вполне очевидно, однако девушка решила промолчать.

— Мы не содержим этих червей, также не изготавливаем шелк, дорогая. Шелк-сырец привозят на кораблях с востока, из таких мест, как Константинополь и Китай, а прядут и плетут тут, в Лондоне.

Анна знала все о шерсти, которую, конечно, стригли с английских овец, и о полотне, которое ткали из льна, произраставшего на полях Англии. Но она всегда гадала, откуда появляется шелк, и была очень удивлена, что его привозят из столь экзотических земель.

— Мой отец и его отец были ткачами, как и я, до того как стал торговцем, — продолжал он. — Шелк у нас в крови.

— Но где же теперь ваши ткацкие станки?

— Их давно нет, дорогая. Я уже много лет не подходил к станку и не держал в руках челнок. Я устал от того, что приходится иметь дело с наемными работниками и подмастерьями. В этой отрасли сейчас очень много французов, а они бывают весьма коварны. Нет, я решил, лучше уж торговля, поэтому, когда Уильям присоединился ко мне, мы продали станки и, как видишь, занялись продажей.

За дверью оказались полки, на которых лежали десятки обтянутых кожей папок. Он снял с полки одну из них, положил на стол и открыл.

— Вот, смотри, племянница. Тут собраны отдельные модели из тех, что мы поставляем аристократам.

Когда дядя принялся переворачивать страницы, на каждой из них Анна увидела цветной рисунок с сопутствующими инструкциями и описаниями. На некоторых страницах к бумаге крепились лоскутки шелка, используемого в той или иной модели.

Между тем тетя Сара и мисс Шарлотта выбирали материю, складывая ее на другой край стола.

— Смотри, Анна, что ты думаешь? — спросила тетя.

При солнечном свете шелка блестели, словно крылышки тысяч бабочек. Яркие краски ткани

ослепили девушку, и она с трудом различала рисунок.

— Ну же, выбери что-нибудь, — подсказала тетя. — Или нам придется сделать это за тебя.

Девушка наугад ткнула пальцем в сторону оттенков, которые любила использовать, когда писала пейзажи: светло-зеленого, темно-синего, темно-коричневого и охристого. По счастливой случайности, оказалось, она сделала правильный выбор.

— Очень подходит юной леди, — одобрительно заметила мисс Шарлотта, — и в духе нынешней моды.

* * *

На следующее утро во время завтрака Лиззи объявила, что хочет показать кухне их церковь.

— Возможно, стоит подождать, пока закончат хотя бы одно платье для Анны, — мягко заметила мать. — Его дошьют на днях.

— Но ведь на улице так жарко, — захныкала Лиззи. — Я весь день вчера просидела дома за учебниками и хочу отвлечься.

— Тогда сходи в сад, — предложила тетя Сара. — Там есть тень.

— В саду не на что смотреть и нечего делать, и ты это знаешь. — Девочка повернулась к отцу и